

The background of the poster is a cinematic scene of a rainy city square at dusk. A man with curly hair, wearing a tan jacket, sits on a wooden bench with a vintage suitcase. A woman with short grey hair, wearing a purple jacket and light trousers, stands next to a modern rolling suitcase, gesturing towards the man. In the background, there is a large glass-walled building with a modern interior, and a bridge with a gothic-style tower is visible across a body of water under a dramatic, cloudy sky.

Игорь Орлав

Третий пассажир времени

КодМЫ

Научно-фантастическая
драма

Игорь Орлав

Третий пассажир времени

«Автор»

2026

Орлав И.

Третий пассажир времени / И. Орлав — «Автор», 2026

Для Павла экспериментальный перелёт занял одиннадцать минут. Для Веры, прибывшей в Сольму раньше мужа, прошли десять лет. У неё теперь любимый человек, семья и мастерская в павильоне, куда они когда-то любили приходить вдвоём. Павел ждёт продолжения вчерашней близости, а Вере нужно закончить переезд мастерской на речную платформу. Работая бок о бок, супруги обнаруживают, как многое ещё понимают без слов — и как часто ошибаются, полагаясь на это понимание. Вернуться в прежний день нельзя. Но какое место они могут занять в жизни друг друга теперь?

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Ручка чемодана	5
2. Стеклянная крыша	8
3. Дом на двоих	10
4. Одиннадцать минут	12
5. Площадь для работы	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Игорь Орлав

Третий пассажир времени

1. Ручка чемодана

Ручка чемодана осталась у Павла в ладони. Сам чемодан стукнулся об пол, раскрылся, и из-под синей рубашки выкатилось зелёное яблоко.

— Ничего, — сказал он женщине за стойкой. — Это ещё на посадке треснуло.

Она смотрела на яблоко так, словно оно было важнее его документов. Потом наклонилась, подняла и осторожно положила на стойку.

— Ваш багаж сохранился. Сейчас принесут ленту.

— Жена уже вышла?

Вопрос он задал второй раз. В первый женщина попросила назвать фамилию, хотя та светилась перед ней. Теперь она обернулась к закрытой двери. Павел почувствовал раздражение: после одиннадцати минут в капсуле ему хотелось воды, улицы и Веры, которая наверняка уже нашла, к чему придаться в новом способе путешествовать.

Дверь открылась. Вошла Вера.

Он узнал её прежде, чем понял, что изменилось. Так она всегда придерживала дверь локтем, освобождая проход человеку сзади. Только сзади никого не было. Она остановилась, держа обе руки опущенными, и посмотрела на него.

Волосы оказались короткими. Возле левого виска белела широкая прядь. На широком лице появились складки, каких утром не было; глаза остались те же, тёмные, внимательные, с едва заметным различием в высоте век.

— Паша, — сказала она.

Он улыбнулся. Улыбка не встретила привычного ответа.

— Что с тобой?

Вера подошла и обняла его. Очень крепко, неловко прижав подбородок к его плечу. Она была теплее, чем он помнил. Или это капсула так его остудила.

— Я приехала раньше, — сказала она ему в воротник.

— Вижу.

— На десять лет раньше.

Павел продолжал держать в руке оторванную ручку. Её края впивались в пальцы. Он смотрел вверх Вериного плеча на стену, где под часами была дата: восемнадцатое мая две тысячи сто семьдесят первого года.

Их билеты были на восемнадцатое мая две тысячи сто шестьдесят первого. Павлу исполнилось тридцать шесть за месяц до вылета. Они с Верой были женаты семь лет.

— Табло проверяют? — спросил он.

Вера отстранилась настолько, чтобы видеть его лицо.

— Мне было тридцать четыре, когда я вышла. Сейчас сорок четыре. Ты не состарился. Мне сказали, что для тебя прошло одиннадцать минут.

Из соседней комнаты донёсся звук падающей металлической ложки. Кто-то негромко извинился. Ничего вокруг не замерло и не приготовилось объяснить ему, как следует стоять в таком случае.

Он поставил ручку на стойку.

— Нам надо поговорить с тем, кто отвечает за посадку.

— Поговорим.

— Сейчас.

— Сначала тебе нужно сесть.

— Я сидел всю дорогу.

Она кивнула и больше не предложила. Это было второе изменение, которое он заметил. Прежняя Вера стала бы спорить, а потом принесла бы стул так решительно, что сесть оказывалось проще.

В комнату вошла невысокая седая женщина с планшетом. На её карточке стояло: «Лида Севрина. Приёмная служба». Павел помнил фамилию по инструктажу. Тогда Севрина объясняла, как закреплять запястье в мягком упоре, и у неё были чёрные волосы.

Она назвала дату. Назвала его имя. Сказала, что он находится в Сольме, на той самой станции, куда направлялся. Слова были короткие, подобранные заранее. Павел захотел спросить, на скольких людях она их проверяла, но вместо этого спросил:

— А отправление?

— Вы отправились десять лет назад. Сегодня завершился ваш рейс.

Он сел.

Дальше всё происходило с отдельными предметами. Стакан был бумажный, хотя у них такие давно перестали использовать на общественных станциях. Севрина объяснила, что это запас для приёмного бокса, его обновляли по старым правилам. Вода была тёплая. На столе лежала серая лента для чемодана. На Верином левом безымянном пальце не было кольца.

Павел долго смотрел на этот палец, пока Вера не спрятала руку под другую.

Ему предложили комнату рядом со станцией, связь с родственниками, сопровождающего на первые дни. Он отказался от сопровождающего. Вера тут же сказала, что это можно решить завтра. Сказала Севриной, не ему.

— Я хочу домой, — произнёс он.

Вера помолчала.

— Сегодня лучше в гостевой дом. Твои вещи привезут. И я побуду с тобой, сколько нужно.

Он попытался вспомнить, почему они вообще согласились на этот перелёт. Им предстояло возвращаться с монтажа летней сцены обычной дорогой, почти двое суток. Испытательная служба предложила одиннадцать минут. Вера смеялась: наконец транспортная компания обещает время с такой точностью, что опоздать можно только из принципа. Они отправили домой большую часть инструментов, оставили два чемодана и пошли на инструктаж.

Утром, перед разделением по капсулам, Вера откусила его яблоко. На зелёной кожице всё ещё темнел след зубов.

— Его можно есть? — спросил Павел.

Севрина посмотрела на яблоко.

— Оно провело в оболочке столько же времени, сколько вы.

Он взял его со стойки. Зачем-то положил в карман.

Когда они вышли, дождь уже закончился. Перед зданием стояла низкая машина без привычной световой дуги на крыше. Вера не стала вызывать её к подъезду. Она подняла свой плоский рабочий чемодан на маленьких широких колёсах.

— До площади десять минут пешком. Хочешь пройти?

Он хотел. Ему нужно было увидеть улицу, которую нельзя исправить переключением табло.

У бордюра Вера протянула руку к его перевязанному багажу.

— Я понесу.

— У меня ничего не болит.

— Хорошо.

Они пошли рядом. Павел попробовал взять её за свободную руку. Она позволила, но их пальцы не сразу легли привычным образом. За десять лет Вера научилась носить тяжести иначе: большой палец теперь оставался сверху.

Павел переложил пальцы сам.

2. Стеклянная крыша

Площадь Перевозчиков была на месте. От этого стало хуже.

Он узнал уклон мостовой, два ряда низких деревьев, каменный круг, где по вечерам собиралась вода. Только деревья выросли, круг обрамлял фонтан, а за ним вместо тёмной раздвоенной крыши стоял прозрачный прямоугольный павильон.

— Ласточку снесли, — сказал Павел.

— Сняли крышу. Посмотри налево.

На противоположной стороне площади старые деревянные рёбра держали навес над скамьями. Два крыла сходились в низкой середине и расходились острыми концами. Между ними виднелось небо. С этого места каркас отражался в стекле нового павильона, и на мгновение Павел увидел знакомое здание внутри чужого.

Они когда-то садились здесь у окна после работы. У вращающейся двери был смешной свист: на втором обороте она брала тон выше, чем на первом. Вера называла это музыкальным образованием. Павел принёс отвёртку, но она не позволила чинить. Их первое общее устройство, маленькая машина для театрального дождя, было собрано за столиком в дальнем углу. Посетители кафе кидали в неё горох и слушали, как меняется погода.

Теперь за стеклом двигались люди в рабочих фартуках. Над входом сохранились слова «Речной павильон», только буквы стали белыми, а ниже появилась узкая строка: «Приём, ремонт, выдача».

— Я здесь работаю, — сказала Вера.

— Ты купила кафе?

— Нет. Мы арендуем. Сейчас ненадолго.

Она не пошла ко входу. Поставила чемодан у скамьи под Ласточкой, повернула к нему лицо. Без движения её возраст был заметнее. Павел поймал себя на том, что ищет женщину, которую оставил у капсулы, под этой новой, словно нужно подобрать правильный свет.

— Я должна сказать тебе ещё кое-что.

Из павильона вышел мальчик с длинной складной рейкой. Он развернул её, промерил край ступени, записал результат на ладонной пластинке и посмотрел в их сторону. Вера подняла руку. Мальчик ответил, но подходить не стал.

— Я живу с Антоном, — сказала она. — Четыре года. У него сын, Федя, ему двенадцать. Это он.

Павел не сразу понял, что «он» относилось к мальчику.

— Живёшь?

— Да.

— У нас дома?

— В другой квартире. Из нашей съёмной я уехала, когда закончилась первая программа ожидания. Её потом сдали другим.

Он посмотрел на стекло. Люди внутри раскладывали на столе детали какой-то тележки. Один придерживал колесо, другой вертел ось. Это занимало их целиком.

— Четыре года, — повторил он.

Вера не сказала, что долго его ждала. Он был ей благодарен за это и одновременно хотел, чтобы она сказала. Назвала дни, предъявила тяжесть, которую он мог бы хотя бы представить.

— Сегодня не надо всё решать, — произнесла она. — Но тебе нужно знать, куда я вернусь вечером.

Павел опустил на скамью. Его чемодан с глухим стуком ударился о ножку.

— А если бы я вышел через год?

— Ты не вышел через год.

— Я спрашиваю.

— Я понимаю. Но я не знаю, Паша. Тогда меня сегодняшней ещё не было.

Он повернул от неё голову. Под навесом сохранилась старая надпись, вырезанная на балке: «Лиза, верни рулетку». Они оба помнили её. У Павла мелькнуло нелепое желание спросить, вернула ли Лиза. Он едва не засмеялся.

Вера проследила за его взглядом и тихо сказала:

— Вернула. Её зовут Елизавета Борисовна, она теперь проверяет наши расходы.

Он засмеялся всё-таки. Одним коротким выдохом. Вера тоже улыбнулась, и он увидел её прежнюю: не под складками, а прямо в них.

Из павильона вышел мужчина в тёмной куртке. Остановился у двери, отыскал Веру взглядом и показал на рабочий чемодан. Она кивнула. Он подошёл без спешки.

— Антон, — сказал мужчина.

Павел назвал себя, хотя необходимости в этом не было. У Антона были широкие ладони, короткие седоватые волосы и очень усталое лицо. Не старое, именно усталое. Павел сразу представил, как этот человек ночью сидел на кухне, пока Вера собиралась встречать мужа.

Руки они не подали.

— Возьму приборы, — сказал Антон Вере. — Нина ждёт размеры.

— В нижнем отделении бумажный конверт. Пластика разрядилась.

— Знаю.

Это короткое «знаю» Павел услышал отчётливее всех слов за день.

Антон взял рабочий чемодан. Сломанный остался у скамьи. Мужчина посмотрел на него, словно хотел предложить помощь, но ограничился кивком и пошёл назад. Федя придержал ему дверь.

— Что у вас происходит? — спросил Павел.

— Переносим мастерскую. Набережную будут укреплять, эту часть закрывают. Мы знали с зимы. Через две недели нужно освободить помещение.

— Куда?

— На «Чайку». Это старая служебная платформа, стоит у Нижнего спуска. Нам дали её на три года.

— На воду?

— Она у причала. Постоянно. Но да, на воду.

Он посмотрел на её короткие волосы. Вера раньше не любила даже маленьких качающихся мостков.

— Ты ведь боялась.

— Первое время боялась.

Внутри мастерской кто-то уронил пустую коробку. Мальчик подпрыгнул от звука, потом поклонился, принимая аплодисменты женщины в сером фартуке. Вера улыбнулась ему сквозь стекло.

Павел достал из кармана яблоко. Тёмный полукруг на кожице был свежим. Он больше не мог носить его с собой.

Рядом со скамьёй стоял ящик для пищевых отходов. Павел поднялся, положил яблоко внутрь и закрыл крышку. Вера не стала его останавливать.

— Пойдём в гостевой дом, — сказал он. — Покажешь, где теперь переход.

3. Дом на двоих

В гостевой комнате оказалось два стула. Вера села на тот, что дальше от кровати, и Павел почувствовал благодарность за её неловкость: если бы она сразу нашла правильное место, это было бы невыносимо.

На столе лежала папка. В ней были временный пропуск, условия проживания и карточка человека, к которому можно обращаться с вопросами. Бумага показалась Павлу нарочитой заботой. Он провёл пальцем по краю и спросил, почему не прислали всё на его устройство.

— Оно ещё не зарегистрировано в нынешней сети, — сказала Вера. — Станция займётся завтра. Сегодня можно пользоваться экраном в столе.

Он включил экран. Отражение показало длинное лицо, торчащие уши, волнистые волосы, примятые обивкой капсулы. У себя он не нашёл ни одного изменения. На подбородке оставался порез от утреннего бритья.

— Мама?

— В порядке. Живёт у Светы. Они знают, что ты вышел. Я обещала сначала спросить, готов ли ты говорить.

— Давай.

Сестра ответила сразу. На её коленях сидела рыжая собака, которой Павел никогда не видел. Сестре было сорок два; он помнил тридцать два. Она открыла рот, закрыла, потом сказала:

— Как же ты похож на себя.

Мать появилась рядом, опираясь на спинку кресла. Павел приготовился к слезам, но она потребовала показать обе руки. Он показал. Потом мать спросила, дали ли ему поесть. От этого он едва удержался.

Они говорили о собаке, о том, как мать переставила свои цветы, о Зое, которая училась строить воздушные фермы. Павел вспомнил племянницу восьмилетней, с перепутанными шнурками. На экране она была высокой девушкой и стеснялась сильнее всех. Она почти не помнила его голоса.

— Я приеду, — сказал он.

— По земле, — быстро произнесла мать.

— По земле.

Когда разговор закончился, за окном уже зажглись фонари. Вера разложила на столе еду из маленького кафе при гостевом доме. Он начал есть только потому, что увидел, как она смотрит на ложку.

— Ты научилась готовить чечевицу? — спросил он.

— Нет. Здесь готовят.

— Раньше ты бы попробовала.

— Раньше я многое считала своей обязанностью.

Она сказала это спокойно, но он услышал ответ на совсем другой вопрос.

В дверь постучали. Сотрудник привёз два ящика: одежду, книги, инструменты, которые Вера сохраняла отдельно. Она расписалась и поставила ящики у стены. Верхний был оклеен знакомыми красными полосами. Павел сам придумал такой способ отличать домашние вещи от рабочих.

Он открыл крышку. Сверху лежали шерстяные носки, которые он не любил: Вера купила слишком толстые. Под ними обнаружили его блокноты и маленькая латунная птичка без хвоста. Они сняли её с негодного театрального автомата и собирались приделать на ворота своего будущего дома.

— Дом у мыса остался? — спросил он.

Вера отвела взгляд от птички.

— Да.

Дом был недостроенным: стены, крыша и пустые окна. Они купили его незадолго до поездки, решив, что будут работать по городу, а жить за рекой. Павел хотел поставить на крыльце длинную скамью; Вера — печь для эмалей в отдельном сарае. На плане, который он возил с собой, комнаты были названы не по назначению, а по будущим занятиям: «читать вслух», «пачкать пол», «ничего не делать».

— Ты его закончила?

— Нет. За кровлей следили. Я платила за участок. Больше ничего.

Павел поднял голову.

— Значит, можно ещё.

Вера медленно закрыла пустую коробку из-под еды.

— Не сегодня, Паша.

Он вдруг понял, что весь вечер искал не сведения, а лазейку. Квартира изменилась, жена изменилась, город изменился, но за рекой стояло место, куда перемены ещё не вошли. Ему показалось почти недобросовестным не воспользоваться этим.

— Я не предлагаю немедленно переезжать. Просто поедem посмотрим.

— Поедем. В следующие выходные.

Он кивнул, запомнив только согласие.

Вера убрала посуду. Он заметил, как часто она проверяет время, и спросил:

— Тебя ждут?

— Да.

— Тогда иди.

Она не двинулась.

— Ты говоришь это, потому что хочешь остаться один?

— А какая разница?

— Есть.

Павел потёр лоб. Ему хотелось, чтобы она сама поняла, что уходить нельзя. Ведь он всегда считал себя человеком, которому не нужно объяснять элементарное. Но сейчас элементарным для него было одно, для неё — другое.

— Побудь ещё полчаса, — сказал он наконец. — Потом я попробую уснуть.

Вера снова сняла куртку. Эти полчаса они перебирали блокноты. В одном обнаружилась зарисовка человека, которого Павел когда-то увидел в трамвае: усы занимали половину лица, а в кармане ехал порей. Вера засмеялась и рассказала, что этот человек теперь продаёт рассад у восточного моста. Павел спросил, сохранились ли усы. Оказалось, сохранились.

Когда она ушла, он поставил оба стула рядом у окна. Ему показалось, что так легче. Через несколько минут отодвинул второй.

Из окна был виден кусок площади. В стекле мастерской горела последняя лампа. Павел не знал, Вера ли ещё там или уже дома у Антона. Он мог спросить. У него был её нынешний номер, написанный на бумажной полоске.

Он положил полоску под латунную птичку и впервые за день сделал что-то, о чём Вера не узнала.

4. Одиннадцать минут

Утром Севрина встретила его в пустом зале управления. На стене оставалась схема рейса, но половина панелей была закрыта матовыми крышками. Под одной стояло комнатное дерево. Павел помнил, как десять лет назад — вчера — на похожую панель выводили приветствие первым пассажирам.

— Здесь всегда было так тихо?

— С тех пор как перестали отправлять людей.

Севрина предложила кофе. Он отказался, потом передумал. Ему понравилось, что она ничего не сказала об этом.

На столе появилась запись: две небольшие капсулы под общей внешней оболочкой. В одной сидела Вера, в другой — он. Между ними находился ящик с измерительной аппаратурой. Павел вспомнил, как они спорили, можно ли считать аппаратуру третьим пассажиром и полагается ли ей скидка за отсутствие ног.

Севрина остановила запись перед входом в транспортный шов.

— Всё, что я сейчас объясню, относится к нашей установке. Мы не умеем произвольно путешествовать во времени. Даже тогда не умели, хотя реклама иногда позволяла так думать.

— В рекламе было одиннадцать минут.

— Для вас так и получилось. Обещали мы другое: одиннадцать минут для всех.

Она не попыталась смягчить это различие.

Транспортный шов соединял две станции через короткий проход. Внутри пассажирских оболочек шёл собственный отсчёт. Пока общая оболочка сохранялась, обе капсулы выходили вместе. В их рейсе оболочка разделилась раньше расчётного момента. Верин выход завершился в день отправления. Его остался отложенным.

— Где я был?

— В незавершённом переходе. Для внешнего мира — недоступен. Для себя — в полёте. Мы не могли ни послать вам сообщение, ни извлечь вас.

— А отменить?

— Отменить можно было до входа. После — только поддерживать приёмник и ждать, когда выход станет возможен.

— Вы десять лет держали свет включённым?

— Не только свет. Но да.

Она показала журнал дежурств. Не как оправдание: Павел сам попросил. Страницы сменяли друг друга. Среди фамилий повторялась Севрина, потом исчезала на несколько недель, возвращалась. Одни люди переставали появляться, другие приходили. Поддержание выхода было работой, которую кто-то выполнял в январе, в августе, в то время, когда у Веры возник Антон.

— Вы знали дату?

— Нет. Вначале не могли назвать даже год. Девять месяцев назад остаточный сигнал позволил определить окно. Он показывал состояние выхода, ничего из вашей капсулы мы по нему прочесть не могли. Точное время увидели вчера, за несколько часов до вашего выхода.

— Вера девять месяцев знала, что я могу появиться?

— Что можете. Не что обязательно появитесь.

Он встал и подошёл к закрытой панели.

— Если отправить меня обратно по тому же маршруту?

— Вы прибудете после нового отправления. В лучшем рассчитанном случае потеряете только время дороги. В худшем снова выйдете позже. Раньше отправления у наших переходов выхода нет.

— Сделать другую установку.

— Можно исследовать другое устройство. Нельзя обещать вам, что оно отменит уже прожитые годы. У нас нет ни способа, ни основания обещать это.

Павел прижал ладонь к матовой крышке. Он ожидал разговора, в котором найдётся упущенная настройка, закрытая лаборатория, хотя бы человек, которому нужно достаточно настойчиво объяснить. Вместо этого перед ним была уставшая женщина, дающая ответы, от которых он ничего не получал.

— Почему нас вообще пустили?

Севрина выдержала паузу.

— Сорок два грузовых перехода прошли без разделения. Три испытательных рейса с сотрудниками — тоже. Мы считали оболочку проверенной. Я подписала готовность приёмника. Это не снимает нашей ответственности за то, что случилось с вами.

— Вашей ответственности хватит на десять лет?

— Нет.

Она положила перед ним отдельную карточку. Жильё на полгода, помощь с работой, счёт с уже зачисленными средствами, возможность независимого разбора материалов. Павел отодвинул её.

— Вы думаете, я за этим пришёл?

— Нет. Но вам понадобятся деньги на обед и место, где жить. Не принимать их тоже можно. Только они ничего не доказывают ни в одну сторону.

Он забрал карточку.

На выходе Павел увидел Верин портрет на старом стенде. Рядом стояла пустая рамка с его именем. Под ней не было ни даты гибели, ни объяснения. Только номер рейса и слово «ожидается».

— Снимите, — сказал он.

Севрина подошла.

— Разумеется.

— Сейчас.

Она достала ключ, открыла стенд и вынула пустую рамку. Фотографию Веры оставила.

— И эту, — сказал Павел, потом остановился. — Нет. Спросите у неё.

Севрина посмотрела на него и кивнула.

На улице было тепло. Вера ждала у ограды, держа два стакана напитка. Она не спросила, нашёл ли он способ вернуться.

— Они говорят правду? — спросил он.

— Насколько я могу знать. Я десять лет пыталась найти другую.

Он взял стакан. Напиток оказался несладким.

— Ты забыла сахар.

— Я теперь пью без. Не подумала спросить.

Она порылась в кармане и нашла маленький пакетик. По старой привычке всё-таки взяла для него.

Павел разорвал его зубами. Немного сахара просыпалось на дорожку. Вера смотрела на белые крупинки, и он понял, что вот этот самый пакетик она тоже могла хранить для него годами, а потом однажды перестать.

5. Площадь для работы

В мастерской пахло нагретым деревом и мыльной водой. Павел ожидал запаха эмали, которым прежде пропитывались все Верины вещи, но печь стояла за отдельной дверью. На стекле висел список: закончить старые заказы, разобрать стеллажи, проверить крепления, перенести выдачу.

Слово «мы» здесь означало не двух человек.

Нина Коваль, женщина с коротко подстриженными седыми волосами, протянула Павлу карандаш прежде, чем поздоровалась.

— Подержите. Если положу, больше не найду.

Он взял карандаш. Нина подлезла под стол, вытащила плоский деревянный ящик и только тогда назвала себя. На её фартуке было вышито маленькое пятно точно такого цвета, как настоящее пятно рядом.

Вера представила остальных: двое мастеров, девушка на приёмке, пожилой человек, который приходил трижды в неделю разбирать донорские механизмы. Никто не спросил Павла, как чувствует себя человек из прошлого. Его разглядывали, конечно, но быстро возвращались к своим делам. Здесь было удобнее, чем на улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.